

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

ЮЛИЯ
ТРЕГУБОВА

ТЕМНЫЙ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т66

Разработка серии А. Саукова

Иллюстрация на обложке В. Коробейникова

В коллаже на обложке использованы фото:
TeodorLazarev, Peter Dedeurwaerder,
Dm_Cherry, Donts / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Трегубова, Юлия.

Т66 Темный / Юлия Трегубова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Интеллектуальный триллер).

ISBN 978-5-04-089544-1

Герман — преподаватель, читает лекции в университете. Его дом холодный, бездетный. Жена Марина лжет, неумело скрывая свой порок. Тоска смертная, а не жизнь. И вот он начинает чувствовать, как в него входит темная мрачная сила. Чаще это случается по ночам. Удивительный дар выделяет его среди остальных; свои новые способности Герман использует для личной наживы. Его лучший студент кончает с собой. Жена попадает в психушку — полиция застала ее с трупом в постели. Господи, сколько же вокруг крови! Но это все прелюдия, похожая на волну душливого ветра, предвещающая грозу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089544-1

© Трегубова Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ I

НА ОБОЧИНЕ СУДЬБЫ

1 ГЛАВА

КРЫМ. ДВАДЦАТЬ С ЛИШНИМ ЛЕТ НАЗАД

КРУТЫЕ БЕРЕГА ЯЛТЫ

Она представляла, как он летел вниз — плавно, чайкой раскинув руки, казалось бы, с тем же трагическим изломом. Только не было в них той силы, чтобы оседлать воздух и воспарить над зубастыми скалами.

Бегом, мчаться и не оглядываться, пока никто не увидел.
«Коснулась или нет?»

Запыхавшись, она остановилась уже внизу, отдышалась и перевела дух. Крадучись протиснулась через узкую щель калитки — шире распахивать нельзя, заскрипит. На цыпочках прошла по влажной траве и присела на скамеечку, как раз под окнами дедовского старого домика.

Они поднялись на вершину холма рано, очень рано. Пока все спят. Увидеть рассвет. Она просила никому не говорить, а то мамка заругает, да дед не отпустит одних.

— Как здорово, что ты привела меня сюда. — Он вдыхал полной грудью, вбирал свежесть соленого моря и хвойный аромат.

Ветер то бил в лицо, то подкрадывался сбоку и настырно насвистывал на ухо свою мелодию. Ощетинившимися соснами, словно выгнутая спина взъерошенной кошки, и ломаными хребтами тянулись горы, зажимая по центру такой маленький, когда смотришь сверху, городок.

«Коснулась?» — не оставляла ее мысль.

Вот он подошел к самому краю, несколько мелких камешков сорвались из-под его ног и полетели по крутому склону туда, где раскрыла свою пасть у самого подножия горы невидимая бездна.

Она стояла сзади, молчала и наблюдала, как он впитывает в себя — от макушки до пят — целебный ялтинский воздух.

— Боже, как красиво, — выдохнул он, закрыв глаза и подставив лицо ласковому утреннему солнцу.

Протянуть руку, дотронуться до спины, чуть-чуть, слегка. Небольшой толчок — он на самом краю, шаг вперед — и пустота.

Маленькая, узкая ручка с коротко стриженными ноготками, под самое розовое мясо, поднялась и на мгновение зависла в воздухе, шаг вперед — и вот, едва касаясь... И он летит.

«Дотронулась?»

Казалось, она видела в мельчайших подробностях, как плавно, раскинув тонкие, словно прутики, руки, он летел вниз. И будто не его крик гремел, отражаясь от каменных гор, а сами скалистые берега гудели, массивные склоны стонали, выли протяжно. Смотрела, словно прокручиваемую туда-сюда в замедленном действии кинолентку, пока его тело совсем не сделалось гуттаперче-

вым и скрылось за очередным выступом, проскользнув по нему с глухим, едва донесшимся до ее слуха звуком.

«Дотронулась? Коснулась?»

А волны шумели, облизывали крутые ялтинские берега, омывали каменную чашу. Переливалось холодным алюминиевым блеском полотно черного моря, словно макушка великана, и взбитая, пузырящаяся пена проседью обрамляла неровные концы, гуляющие на ветру.

— Что? Уже проснулась, что ли? — перебила ее мысли мать, выглядывая из сеней.

— Угу, — кивнула она, — только что.

— А что лохматая такая? Поди, только голову от подушки оторвала и сразу на улицу, — мать покачала головой, — большая уже, могла бы и сама ради разнообразия причесаться.

Она виновато потупила глаза и прошмыгнула в дом.

Его ждали к завтраку, но он не пришел.

Она тоже ждала. Ждала в напряжении. Вот чья-то тень скользнула мимо калитки. А что, если войдет сейчас — весь в крови, кривой и грязный, посмотрит на нее? Прямо в глаза посмотрит? Она ждала, затаив дыхание, прикусывая нижнюю губу. Но тень проскользнула и растворилась в ярком солнечном дне.

Потом ждали к обеду, но решили, что молодой, загулял — «пушай бегаает, — махнул рукой дед, — придет, никуда не денется».

Вот уже солнце стремительно закатилось за горизонт, расплескав багряные краски. И ранняя южная ночь засветилась серебряными звездочками на бездонном небе. А он так и не пришел.

Его брат — всего лишь на год младше, — сбился с ног, обежал все достопримечательности, музеи, кафе и магазины.

— Точно не видела? Ничего тебе не говорил?

— Неа, — мотала она головой.

«Все-таки дотронулась, коснулась». — И легкая улыбка солнечным зайчиком прошмыгнула по детскому личику. Незаметно, еле ощутимо.

Он не пришел. А она, уткнувшись в мягкую перьевую подушку и закрыв глаза, продолжала наблюдать, как плавно летит и все больше погружается в мутно-синеватую пустоту его гуттаперчевое тело с такими игрушечными, словно тряпичными, руками.

2 ГЛАВА

КРАСНОЯРСК. НАШЕ ВРЕМЯ

МАРИНА

— Я не берег силы на обратный путь! — Герман окинул взглядом аудиторию. Воодушевленные глаза смотрели на него, блестя молодым задором.

Ему нравилось подводить черту этими словами и видеть в глазах студентов смесь восхищения с озарением, словно он только что при них открыл формулу всего сущего. Надо сказать, что раньше скромный преподаватель — Темный Герман Петрович — терялся под градом сыпавшихся на него вопросов: «Как же можно все это выучить?», «Неужели можно вспомнить все, что проходили пять лет?», «Как же успеть и к госам подготовиться, и диплом написать?»

Обычные ребята, жизнь которых емко и невероятно точно описана знакомым всем выражением: «от сессии до сессии живут студенты весело». И вот рубеж — не чета рядовой сессии, которую худо-бедно они научились

переживать с помощью отработанных за годы учебы приемов и различных ухищрений. Это все равно что во время бега с препятствиями влегкую перепрыгивать невысокие барьеры и вот уже на подходе к финишу с заветной красной ленточкой упереться носом в отвесную стену. И бегун из отважного атлета, играющего на солнце своими упругими мышцами, превращается в перепуганного щенка, поджимающего под себя куцый хвостик, и пятится назад — дальше, дальше, с ужасом взирая на стену, а она упирается в небо где-то там, на недостижимой человеку высоте.

Герман и не знал, как вдохнуть в эти по-щенячьи испуганные глаза свежие силы, открыть второе дыхание уже в полушаге от финиша. На ум приходила только одна, уже старомодная, цитата: «Последний бой — он трудный самый». Почему-то нынешнюю молодежь эти слова не воодушевляли, а в глазах появлялся скептицизм — слишком уж непривычно для столь юных особ, считал Герман. Но, тем не менее, с каждым годом «дети», как он говорил о своих учениках (хотя среди этих великовозрастных детей попадались индивиды шире его в плечах раза в три и на голову выше, несмотря на внушительный рост самого Германа), становились циничнее, недоверчивее, словно в них по ошибке томились души стариков.

Слова из голливудского фильма «Гаттака» появились в его арсенале не так давно. Да и сам фантастический триллер преподаватель посмотрел уже после того, как в один ясный зимний денек его тогда еще невеста вытащила из дома на свежий воздух. И не абы куда, а сразу покорять красноярские «Столбы». В беленькой курточке, в светло-серых горнолыжных штанах, в шапочке с трогательным помпончиком, из-под которой выбилась белокурая прядь, Марина шагала в горку бодро, даже самоотверженно. А горка не маленькая — подъем кило-

метров шесть до «Первого Столба». Но она не сдавалась. Отважно шла вперед, запыхавшись, с залитыми румянцем щеками.

— Может, обратно? — с надеждой в голосе предложил Герман.

— Ты что? Мы еще до «Первого Столба» не дошли, — одернула его Марина. — А ты смотрел «Гаттаку»?

Герман, конечно, не смотрел. И даже не понял, что это такое и где, собственно, он мог бы на это посмотреть.

И для поднятия боевого духа девушка начала сбивчивым голосом рассказывать о невероятном шедевре кинематографа, повествующем о том, каким бы стал мир под влиянием выдающихся генетических технологий.

— Представляешь, люди, зачатые обычным способом, с какими-нибудь заболеваниями и слабостями, считались уже вторым сортом, — твердила она, пыхтя, сдувая назойливую прядку волос, которая норовила угодить то в глаза, то в рот. — Их сделали чем-то типа обслуживающего персонала. А выведенным генетически совершенным людям можно было все — и в космонавты, и в ученые, да вообще — любые посты занимать. Они типа лучшие, с идеальным здоровьем, будущее человечества. Вот как ты считаешь, у нас у всех есть эта свобода выбора?

— Ну да, — немного подумав, ответил Герман.

— А вот теперь представь, что у кого-то этого выбора нет. Люди второго сорта, не идеальные, не совершенные, должны сидеть тихо и довольствоваться теми подачками и местом под солнцем, что отвели им генетически безупречные.

Герман молча шагал. Снег поскрипывал под ногами, глаза слепила сверкающая и искрящаяся белизна — словно ватные шапки на елях, пышные сугробы вдоль узкой тропинки. Солнышко на ясном небе, морозец прихватыва-

вал и пощипывал щеки да уши. Герман глянул на воодушевленную Марину — ее аккуратный носик покраснел.

— ...и вот было два брата. Одному не повезло, его родители зачали простым способом, и он получился бракованным — близорукость, порок сердца. А второй был безупречным.

«Подумаешь, фантастика, — думал Герман, — такого и в жизни насмотреться можно. Мало ли таких — близоруких, хромых, убогих... Свобода выбора каждому дана — и мы верим в это. А по сути? И сейчас не у каждого эта свобода в равной степени реализуема. Ведь есть такие же: избранные и второй сорт, а то и третий. Без всяких там голливудских шедевров — выгляни в окно, вот тебе и правда жизни. Только мерило у нас немного другое — не генетическое совершенство, а денежная масса в кармане. Хотя физическое совершенство тоже своего рода актив. А! Кругом действуют не свобода выбора, а банальные законы рынка».

— ...и у этого несовершенного брата была мечта — полететь в космос, но его даже близко бы не подпустили к учебе. Он мог быть только уборщиком в той лаборатории, которая готовила будущих исследователей космоса. Короче, не буду тебе все рассказывать, — щебетала Марина. Она из последних сил уже взбиралась вверх. Тропинка сузилась, а подъем стал круче. — Но там был один эпизод, который просто потрясающий. Братья все время соревновались, кто дальше заплывет в море. И вот тот, который был больным и слабым, все время побеждал совершенного. И когда его безупречный брат, человек первого сорта, спросил, мол, как? Как тебе это удавалось? Тот ответил: «Ты хочешь знать, как у меня это все получилось? Я не берег силы на обратный путь!» Потрясающе, да?

Глаза у Марины светились, сияли голубым алмазом на ярком солнце. Она тяжело дышала, сопела, лицо раскрас-

нелось. Герман искренне восхищался, но не тем отдаленным героем, проплывающем половину моря с пороком сердца, а этой живой девушкой, которая вот здесь, совсем близко, валится с ног без сил, еле хватая ртом ледяной воздух, и превозносит придуманный кем-то подвиг несуществующего парня. Но девушка, казалось, совсем не замечала усталости. Она продолжала воодушевленно рассказывать:

— Представляешь, не надо беречь силы на обратный путь! Просто ведь — идти к своей цели, к своей мечте и не жалеть себя. И не важно, насколько ты совершенный.

Она так делала и в жизни, и в тот день — все-таки дошла с Германом до «Первого Столба». Они дотронулись до величественной скалы, отдышались и повернули обратно. Но на следующее утро Марина свалилась в обморок прямо в ванной — у раковины, до которой только-только спросонья доплелась. Герман тогда не на шутку перепугался, увидев ее восковой бледности лицо. К приезду «Скорой» девушка успела прийти в себя, но так и осталась отлеживаться в постели. А взволнованный преподаватель весь оставшийся день не мог унять дрожь в коленях.

Зато теперь, когда студенты с тревогой в голосе спрашивают его, как же можно все успеть, со всем справиться, он всегда вспоминает этот день, Маринин рассказ о том, что для достижения своей мечты не надо беречь силы, не оставлять их на обратный путь. Какой, по сути дела, может быть в жизни обратный путь? Мы все идем вперед — туда, куда нас уносит скорый поезд-стрела «время». Все равно что оставить жизнь на потом. Смешно! Беречь себя — вообще смешная затея. Да и нет обратного пути. Это иллюзия. Нельзя вернуться назад, нельзя пройти по своим же следам, не оставляя свежих. А это уже будет другой путь — новый. Теперь Герман знал, как донести

эту мысль до студентов. Он нашел прекрасную упаковку с красивой тесьмой и бантиком. И дарил каждый раз, не жалея, щедро, от души. Но вот сам не часто заглядывал в коробочку. Он будто приберег формулу жизни для других, а сам воспользоваться ей боялся — вдруг кому-нибудь не хватит. Так и ходил поодаль, вокруг коробочки, обтянутой тесьмой, любовался, торжественно вручал, наслаждался чужим прозрением издалека, а сам все ждал, когда же он сам удостоится такого подарка.

И глаза студентов загорались, они готовы были с боем взять последнюю высоту — вырвать зубами путевку в жизнь. И с таким же запалом добиваться своих целей в будущем. Герман надеялся, что полученный импульс этим ребятам удастся сохранить надолго. Выпускные корочки — не последнее препятствие в их жизни. Им еще долго придется доказывать свою состоятельность.

Но в последнее время Герман все чаще возвращался мысленно в тот зимний день, к первому столбу — высоте, взятой на последнем дыхании. И все думал про пресловутую свободу выбора. Есть ли она? Или это миф? Выбирал ли он свою жизнь? Был ли когда на распутье? Жизнь шла своим чередом, и этот черед Германа устраивал. Но теперь все чаще его будто приковывали по ночам к рабочему месту, и он строчил, не в силах остановиться. Шепот, словно холодом дышащий за спиной, не оставлял Герману выбора, не спрашивал его разрешения. Он приходил и диктовал, диктовал. Скрипучий, ледяной голос — непрекращающийся кошмар. И откуда, с каких глубин всплывают эти строчки, буква за буквой бегущие по чистому листу текстового редактора?

Герман отогнал от себя мрачные мысли.

В лекционной аудитории стоял галдеж, студенты были заняты чем угодно, только не предметом. Получив добрую порцию наставлений, они уже отвлеклись на дела

насущенные. Герман отчеканил, словно робот, который зачитывает заранее написанный текст, домашнее задание, и наконец время истекло. И без того неблагоприятные слушатели пустились наутек из постылых стен. А он с отстраненным видом стал перебирать свои записи.

— Да... Молодежь нынче не та пошла, — раздался вдруг знакомый голос.

К Герману приблизилась высокая фигура широкоплечего мужчины.

— Константин?

— Да ты не пугайся. Вот решил посмотреть на твою работку. Занятно, да...

В ответ на немой вопрос во взгляде Германа мужчина задорно похлопал его по плечу и вальяжно уселся на стол. Константин всегда очень громко говорил и оглушительно хохотал. Словно кувалдой вдалбливал свои мысли в голову собеседника. Всякий раз, как Герман решался возразить, от невольной дрожи в коленках подкашивались ноги. Рядом с этой крепкой скалой он, тощая, вытянутая вверх цапля, выглядел жалко. Слова терялись в ощущении ничемности, и мысль уходила на пару с уверенностью в себе. Именно поэтому они с Мариной жили в его квартире, принимали его помощь и слушали наставления — дядя жены настырно участвовал в жизни молодоженов.

А как Герман не хотел въезжать в просторную квартиру! Как сопротивлялась его душа! И теперь ему хотелось спрятать взгляд, уткнуться глазами подальше, хоть себе под ноги, лишь бы не смотреть в это властное лицо. Стыдно взрослому человеку, который каждый день наставляет на путь истинный молодое поколение, жить за чужой счет. Но тогда он просто не смог отказать Марине.

— Герман, смотри, какая просторная квартира!

Голубая гладь Марининых глаз светилась изнутри. Она летала по пустым комнатам в заразительном во-

одушевлении. Кружилась так, что копна светлых волос веером взмывала над узкими девичьими плечами и водопадом струилась на грудь. Ради мимолетного счастья любоваться этим Герман мог согласиться на любое безумие.

— Но ведь мы не сможем за нее платить, — посмел возразить он.

— Ну и что? Мой дядя не так беден, он может и подождать с оплатой. — Она по-детски подмигнула ему и добавила: — Ты же скоро станешь знаменитым ученым.

— Это неизвестно. Да и научные сотрудники не зарабатывают так много.

— Ничего. Ты что-нибудь придумаешь. Я в тебя верю! А дядя подождет.

Марина перебежала в соседнюю комнату, а Герман стоял у окна, из которого открывался вид на выющийся вдаль бульвар. Между двумя оживленными дорогами тянулась пешеходная аллея с деревянными скамейками. Там бурлила жизнь — ветер подметал тротуары, заигрывал с зелеными елочками. «Возможно, Марина права. В таком уютном месте наверняка и работать хорошо. Да и стимул будет», — уговаривал себя.

— А эта комната будет нашей спальней! — донеслось из-за стены.

Вот так с легкой руки своей жены и ее богатенького дяди Герман стал жить в спальном районе в квартире, которая была ему явно не по карману, и чувствовать себя альфонсом в годах или пассивным альфонсом, что еще хуже.

— И долго ты собираешься еще так тухнуть в этих стенах? — Константин прищурился, оценивающим взглядом пробежался по аудитории и добавил: — Не больно-то твои студенты горят интересом ко всему этому.

— Они еще дети. Тем более весна, — попытался возразить Герман, — не до занятий им сейчас, гормоны.